

Міністерство освіти і науки України
Інститут літератури імені Т. Г. Шевченка НАН України
Полтавський державний педагогічний університет
імені В.Г. Короленка
Полтавська обласна державна адміністрація
Державний заповідник-музей М. В. Гоголя

ІХ Гоголівські читання

Матеріали міжнародної наукової конференції

9 – 11 березня 2009 року

Полтава – 2009

Шовкопляс Г.Е. МЕСТО И ФУНКЦИИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ЦИКЛА ПОВЕСТЕЙ Н.В.ГОГОЛЯ «МИРГОРОД».....	151
Кравченко О. А. КОНФЛИКТ ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО В ПОВЕСТИ Н.ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ».....	154
Платонова Н. А. СИТУАЦИЯ «ПРОСТРАНСТВА БЕЗ ВРЕМЕНИ» И «ВРЕМЕНИ БЕЗ ПРОСТРАНСТВА» В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ Н.В. ГОГОЛЯ.....	157
Э. Назарук КОМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ: СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.....	161
Ю.В.Вишницкая КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФОЛОГЕМЫ «ХАОС» В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭМЫ Н.В.ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: ГИДРОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ.....	165
Фісак І. В. СПОСОБИ І ФОРМИ ВИРАЖЕННЯ АВТОРСЬКОЇ СВІДОМОСТІ У «ВИБРАНИХ МІСЦЯХ ІЗ ЛИСТУВАННЯ З ДРУЗЬЯМИ» М. В. ГОГОЛЯ.....	171
Зімакова Л. І., Волочай М. П. ВІДОБРАЖЕННЯ БІБЛІЙНОЇ ТРАДИЦІЇ У СТВОРЕННІ ПСИХОЛОГІЧНИХ ПОРТРЕТІВ ГЕРОЇВ М.В. ГОГОЛЯ.....	176
Коркішко В. О. СПЕЦИФИКА ЗОБРАЖЕННЯ МЕЖОВОГО ПРОСТОРУ В ТВОРЧОСТІ М.В. ГОГОЛЯ.....	179
В.В.Любецкая ГРАДАЦИЯ СМЕХА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В.ГОГОЛЯ.....	183
МОВА ТВОРІВ М. В. ГОГОЛЯ. МЕТОДИКА ВИВЧЕННЯ ТВОРЧОСТІ ПИСЬМЕННИКА	
Меньшиков И. И. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОГОЛЕВСКОЙ ФРАЗЫ И ЕЕ ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ.....	187
Синельникова Л. Н. ИНТЕРАКТИВНЫЕ СВЯЗИ ГОГОЛЕВСКОГО МИРА С ПОЭТИЧЕСКИМИ РЕАЛИЯМИ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ.....	193
Казаков И.Н. СКАЗОВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (на материале «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя и «Записей Ковякина» Л. Леонова).....	201
Баландина Н. Ф. ГОГОЛЬ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (концепция пособия «Гоголь на уроках русского языка: украинская тематика»).....	206

МЕСТО И ФУНКЦИИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ЦИКЛА ПОВЕСТЕЙ Н.В.ГОГОЛЯ «МИРГОРОД»

Известно, что цикл гоголевских повестей «Миргород» (1835) состоит из двух частей и содержит четыре повести – «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Касательно названия цикла исследователь творчества Гоголя Ю.В. Манн писал: «По свойству своего таланта Гоголь с самого начала тяготел к своеобразным региональным символам, и, таким образом, на его карте вселенной наряду с Диканькой появились новые поэтические материи – Миргород и Петербург» (Манн Ю.В. Творчество Гоголя // История всемирной литературы: в 9 т. - Т.7. - М.: Наука, 1987. – С. 372).

Однако к собственно «миргородским» повестям, то есть к таким, в которых топос литературный совпадает с топосом географическим, следует отнести только две из четырех повестей цикла, а именно: «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Именно эти две повести составляют «поэтический материк» гоголевского Миргорода. Тогда как повесть «Тарас Бульба» по своему литературному пространству и времени стоит особняком и претендует на иную, исторически идеализированную, плоскость. Повесть «Вий» принадлежит скорее к «киевскому», нежели «миргородскому» пространству и опять же, ко времени исторического прошлого.

По своему материалу, системе событий и образов повести «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» однородно провинциальны и погружены в повседневность уездного бытия.

Тщательно составленный реестр имущества Ивана Ивановича и перечисление «замечательных» свойств его характера, позволяющее повествователю сделать ироническое заключение- «Прекрасный человек Иван Иванович!» - атрибутика провинциально-уездного благополучия и местного кодекса порядочности.

Скромные удовольствия старосветской жизни Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича, состоявшие из бесконечных «откушиваний» пирожков, грибков, арбузов и прочего «ядения сушеных рыбок и груш» - идиллия провинциального существования этих «малороссийских Филимона и Бавкиды».

Абсолютная реалистичность, календарно-сезонное течение времени, замкнутость пространства границами «собственно Миргорода» – вот контекст, в котором развернутся события выстроенной Гоголем структуры композиции, финалом которой будет разрушение тройное: пространства, времени, материи.

Подобно этому, по замечанию В. Петрова, «бытовые страницы «Вия» изображают бурсацкий быт и частично – будни сотниковой челяди, быт (словами враждебной к Гоголю критики) «низкий» и «грязный». Однако «бытовой» контекст «Вия» составляет в структуре повести контраст самой «демонической фантастике»: «Чем безразличнее реальный dominus Хома, тем страшнее и трагичнее фантастические ночные ужасы, которые переживает у гроба панночки Хома Брут» (Петров В. Фольклорно-литературные источники повести Н.В.Гоголя «Вий»// Н.В.Гоголь. Полное собрание сочинений. - Т.2. - М.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 748).

В «собственно миргородских» повестях названная «демоническая фантастика» отсутствует напрочь. Импульсы «иномира», разрушающие пространство, время и самую мифическую основу идиллии, на первый взгляд незаметны и кажутся одним из элементов однородной провинциальной реальности.

В самом деле, исчезновение любимицы Пульхерии Ивановны, серой кошечки, а затем - ее внезапное появление, – момент сугубо реалистический и даже не настораживающий читателя. Но последствия этого события приводят к трагическому финалу. Именно с такого, малозначащего события как элемента композиционной структуры начинается разрушение «земного рая» малороссийских Филемона и Бавкиды.

Если в «Старосветских помещиках» разрушена мифологема идиллической любви, то в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» происходит разрушение идиллической дружбы. Гоголь нигде в тексте повести не называет и не сравнивает Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича с Орестом и Пиладом или с Ахиллом и Патроком — образцами, что олицетворяют верную дружбу и являются архетипом верных друзей. Но восприятие ссоры обоих приятелей окружающими, упорное стремление примирить поссорившихся – все говорит читателю о том, что перед нами воплощение идиллической дружбы: «Пресвятая троица! Как же мне теперь уверить матушку! А она, старушка, каждый раз как только мы поссоримся с сестрой, говорит: «Вы, детки, живете между собою, как собаки. Хоть бы взяли пример с Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Вот уж друзья так друзья! То-то приятели! То-то достойные люди!» (Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. - Харьков: Прапор, 1987. – С. 325).

Существо, которое повинно в крушении идиллической дружбы двух «достойных людей», не только не несет отпечатка чего-либо демонического, но и является безусловным элементом обыденности. Более того – элементом комическим. Однако лишь упоминание о «бурой свинье» приводит к вечной вражде двух приятелей. Позже бурая хавронья собственной персоной является в поветовое судебное присутствие, чтобы среди груды бумаг и бумажонок, чернильниц и корок хлеба найти и утащить иск Ивана Никифоровича к Ивану Ивановичу.

Гоголевская фантастика никогда не была жанрово и эмоционально однородна. Исключение, по мнению исследователей, составляет лишь «Страшная месть»: «Только тут (в «Страшной мести») фантастика выступает

в чистом виде, не усложненном ни эпико-дидактическим (как, например, «Портрете»), ни комическими (как в большинстве «Вечеров на хуторе») ингредиентами»(Державин В. Фантастика в «Страшной мести» Гоголя// Сборник в честь академика Д.И.Багалея. — Харьков, 1927. — С. 152).

Балансирование между двумя стихиями – трагической и комической – имманентно природе гоголевского таланта и органично в системе его творческого метода.

В «миргородских повестях» категория комического в фантастическом элементе выходит на первый план, но ни в коей мере не отменяет трагизма, который подспудно присутствует в обыденной серости уездного существования. Иначе откуда бы взялся этот тяжелый вздох в финале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Скучно на этом свете, господа!».

В сугубо реалистических по методу написания «миргородских повестях» элементы фантастики имеют ту же раскраску («серая»-«бурая»), что и общая цветовая гамма уездной жизни.

Скрытость фантастических элементов приводит не только к тому, что притупляется бдительность читателя-реципиента и обостряется «эффект обманутого ожидания», но и философские выводы напрашиваются более глубокого уровня, уровня кафкианского онтологического трагизма человеческой жизни.

Свинья, точнее «черт в свином обличье», и кошка, черная кошка – одна из тотемных ипостасей ведьмы, уже встречались в романтических произведениях Гоголя («Вечера», «Вий»). Отсутствие контрастной яркости раскраски («красная свитка – черная кошка»), присущей цветовой гамме романтизма, приводят к скрытости, незаметности элементов мира «инобытия», но последний не перестает существовать и проявляет себя на более глубинном уровне.

Доказательством тому есть место фантастических элементов в композиционной структуре «миргородских повестей» Гоголя. В событийной линии повестей именно появление – вступление в действие серой кошки («Старосветские помещики») или упоминание о бурой свинье («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») является моментом кульминационным, то есть переломным, ведущим к развитию разрушения прежде заявленного идиллического пространства, времени, материала.

Реалистически мотивированные всем течением уездной жизни элементы фантастического в композиционной системе «миргородских повестей» выступают в роли «ускорителей действия», финал которого представляет крушение первоначально заявленного положения вещей – гармоничного и застывшего в своей гармонии мира идиллии.

Своеобразная жанровая двойственность повестей Гоголя, как и уже упомянутое выше балансирование между стихиями трагического и комического, приводит к тому, что в конечном итоге и целостности своей произведения являются не идиллией, а пародией на идиллию. Причем, композиционно запланированной пародией. Ибо, по мнению Владимира

Набокова, композиция гоголевских произведений всегда представляет собою движение.

Причём движение, которое предполагает переход от простой и гармоничной природы к «смещенным планам» и «уничтоженной обыденности», движения наоборот, когда «вещи, чем безудержнее мчатся назад, тем быстрее движутся вперед» (Набоков В. Николай Гоголь// Новый мир. — 1987. - № 4. - С.178).

Таким образом, если в романтических произведениях Гоголя фантастические элементы контрастируют, усиливают и дополняют события «реального мира», то в повестях «миргородского цикла» элементы фантастики служат поворотным пунктом к открытому проявлению природы материала произведения и развития композиционно запланированной второй половины событийного ряда, которая уничтожает первоначальные положения и утверждения.

(Шовкопляс Г. Е. Место и функции фантастических элементов в композиционной структуре цикла повестей Н. В. Гоголя «Миргород» / Г. Е. Шовкопляс // IX Гоголівські читання: Матеріали міжнародної наукової конференції. – Полтава: ПДПУ, 2009. – 244 с. – С. 151-154).